

Артём Порфирьев ЭХО

Артём Порфирьев

ЭХО

«Автор»

2026

Порфирьев А.

ЭХО / А. Порфирьев — «Автор», 2026

Пять лет назад ночная поездка по Минскому шоссе закончилась ударом в дождливой темноте. Семеро незнакомцев вышли на трассу, увидели человека на асфальте — и уехали, поверив в удобную фразу: «Пульса нет». Сегодня Ян Власов просыпается среди дня от странного сна и уведомления: его добавили в закрытый канал «Искушение». Внутри — те самые имена и таймер на 12 часов. Сообщения приходят сами, выход невозможен, а любая попытка сбежать или сделать вид, что ничего не происходит, заканчивается смертью — холодно зафиксированной «Системой». Кто управляет этим отсчётом: человек, алгоритм или нечто большее? И можно ли разорвать цикл, если самый страшный выбор — не «кто умрёт», а «сможешь ли ты остаться»?

© Порфирьев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1 Эхо	11
Глава 2 Олег	20
Глава 3 Максим	26
Глава 4 Ирина	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Артём Порфирьев

ЭХО

ПРОЛОГ

02:16

Дождь начинается не как предупреждение.

Не как редкие капли, которые успеваешь заметить, оценить, успеваешь подумать: *надо бы включить дворники*. Он начинается сразу — плотной, тяжёлой стеной воды, будто кто-то сверху опрокинул на дорогу целое озеро.

Лобовое стекло мутнеет за секунды. Свет фар распадается на белые полосы. Дворники вздрагивают и начинают ходить быстрее обычного — но не успевают. Вода возвращается сразу, размазывая свет, как пальцем по свежей краске.

Скрип.

Скрип.

Скрип.

Ян сидит на переднем пассажирском сиденье. Ремень давит на ключицу. Плечо упирается в дверь. От ткани сиденья идёт чуть влажный запах — будто в машине недавно сидели люди в мокрых куртках.

Он знает эту дорогу.

И одновременно — не знает.

Знакомые развязки, знакомый наклон трассы, знакомые отражатели на отбойнике. Но всё ощущается как копия — чуть смещённая, как будто собранная из памяти с ошибкой.

Спидометр показывает **86**.

Слишком быстро для такой погоды.

Не смертельно быстро. Не безумно. Просто — *слишком*. Та скорость, при которой ещё можно убеждать себя, что контролируешь ситуацию.

Ян смотрит на цифры и чувствует неприятное, тонкое напряжение — не страх, а предчувствие. Как перед звонком, который не хочешь принимать.

— Сбавь, — говорит кто-то сзади.

Голос знакомый.

Он сразу узнаёт интонацию, то, как человек обрывает слова на полуслове, будто не хочет звучать паникёром. Но лицо Ян не видит. Он поворачивает голову — и сзади как будто нет фокуса. Дождь, отражения, тени, чужие контуры в зеркале заднего вида — всё размыто.

И в этом размытом он вдруг понимает ещё одну вещь: в салоне кто-то есть, но он не может *посчитать*.

Как будто людей больше или меньше, чем должно быть.

Водитель молчит. Не отвечает “ага”, не бурчит, не ругается. Просто держит руль.

Машина идёт ровно. Слишком ровно для мокрой дороги.

Это не успокаивает.

Это пугает.

Потому что ровность — всегда иллюзия. Особенно там, где должно трясти.

Дворники продолжают работать в одном и том же ритме.

Скрип.

Скрип.

Скрип.

Ян смотрит вперёд.

Дорога сужается до узкого тоннеля света. Вокруг — чёрная вода, чёрное небо, чёрные деревья за отбойником. Фары выхватывают только то, что прямо перед машиной, и Ян чувствует, что это “прямо перед” — слишком короткое.

Как будто расстояние между “увидел” и “врезался” стало меньше, чем обычно.

Он пытается сказать что-то — хотя бы “осторожнее”, хотя бы “давай медленнее” — но во рту сухо, и слова не идут. Он только сглатывает.

И в этом тоннеле появляется силуэт.

Не выбегает.

Не выскакивает.

Он уже стоит там.

Посреди полосы.

Человек.

Без попытки уйти. Без реакции на свет. Будто вырезан из темноты и поставлен в центр кадра.

Ян открывает рот.

Сначала не выходит ни звука.

Потом воздух прорывается:

— Осторожно!

Тормоза визжат так, будто металл кричит.

Водитель дёргает руль — резко, слишком резко, но уже поздно: мокрая резина не держит, машина скользит как на плёнке.

Удар.

Не кинематографичный.

Не “взрыв”.

Глухой, тупой — будто по капоту бросили тяжёлый мокрый мешок.

На долю секунды Ян чувствует, что его внутренности поднимаются в горло. Ремень впиивается сильнее. Голова дёргается вперёд и обратно.

Машину разворачивает. Фары рисуют по дождю дугу света. Сначала виден отбойник, потом — пустая встречака, потом — снова чёрная дорога.

Она останавливается под углом, как будто не решила, куда ей смотреть.

Дождь продолжает идти.

Дворники не прекращаются.

Скрип.

Скрип.

Скрип.

Тишина в салоне густая, как вода. Не та тишина, когда спокойно, а та, когда никто не дышит, потому что если вдохнуть — станет реальностью.

— Чёрт, — говорит водитель.

Он говорит тихо, почти буднично. Не истерит. Не ругается матом, как ожидаешь. Просто произносит слово, которое вмещает всё: страх, злость, последствия.

Ян смотрит на свои руки. Они на коленях. Пальцы чуть дрожат. Он не помнит, как их туда положил.

Ему кажется, что в салоне пахнет железом и мокрой резиной.

Как будто запах аварии приходит раньше осознания.

Он отстёгивает ремень.

Щелчок звучит слишком громко.

Дверь открывается туго — как будто дождь придавил её снаружи. Холодная вода сразу бьёт в лицо, в шею, под воротник. Ян моргает — капли попадают в глаза.

Асфальт мокрый, чёрный, блестящий. Свет фар делает его почти зеркальным.

Человек лежит в нескольких метрах впереди.

На боку.

Лица не видно. Голова повернута к земле, волосы прилипли к коже. Одежда темнеет от воды.

Рука вытянута вперёд.

Ладонь раскрыта.

Пальцы касаются асфальта.

Дождь стекает по ним тонкими струйками, и кажется, что пальцы шевелятся — но Ян не может понять: это движение или вода.

Кто-то ещё выходит из машины.

Шаги по воде — шлёп-шлёп, тяжёлые.

Дэн опускается на колено. Движение уверенное, отработанное, будто он делал это раньше. Ян не помнит, откуда он знает Дэна — но знает, что тот “умеет” больше остальных.

— Дай, — говорит Дэн.

Водитель остаётся чуть дальше, у машины. Ян слышит, как он дышит — коротко, через нос.

Ян стоит в двух шагах.

Он чувствует, что должен подойти ближе.

Должен наклониться.

Должен сделать то, что делает человек, когда рядом лежит человек.

Но ноги не двигаются.

Как будто кто-то приклеил подошвы к мокрому асфальту.

Дэн кладёт пальцы на шею лежащего.

Пауза.

Дождь усиливается, будто небо тоже задержало дыхание и теперь выдохнуло.

Скрип дворников вдруг становится громче.

Хотя машина далеко.

Скрип.

Скрип.

Скрип.

— Ну? — спрашивает водитель.

Пауза.

Дэн не поднимает глаза.

— Пульса нет.

Слова звучат ровно.

Слишком ровно.

Без сомнений.

Без паузы между ними.

Пульса нет.

Ян чувствует, как внутри что-то отпускает — тонкая струна, натянутая с момента удара. Не облегчение — нет. Скорее разрешение: если “нет”, значит, не надо решать.

Но взгляд всё равно цепляется за руку.

Мизинец едва заметно сгибается.

Или это просто вода?

Или дрожь от холода?

Ян не уверен.

Он делает полшага — и останавливается, будто это уже слишком.

— Может, вызвать... — слышится тихий голос.

Фраза обрывается, как будто человек сам испугался своих слов. Ян не видит, кто сказал. Сзади снова размытые лица, контуры.

Никто не отвечает.

Водитель молчит.

Дэн молчит.

Молчание становится решением раньше слов.

Ян делает шаг.

Асфальт кажется мягким.

Как будто под ним вода, и вода вот-вот откроется.

Он наклоняется — медленно, осторожно, как будто сейчас увидит что-то, чего нельзя развидеть.

И в этот момент рука резко сжимает его запястье.

Сильно.

Слишком сильно для “трупa”.

Пальцы холодные, мокрые, но хватка — живая.

Ян вздрагивает так, что плечи подскакивают. В горле появляется звук — не крик, а хрип.

Он смотрит на лицо.

Глаза открыты.

В них отражается свет фар.

Но вместо отражения Ян видит цифры.

Как будто кто-то пустил в зрачки электронный экран.

11:59:59

11:59:58

11:59:57

Отсчёт идёт прямо в глазах.

Идёт назад.

Дождь внезапно замирает.

Не “становится тише” — именно замирает.

Капли висают в воздухе, как стеклянные бусины. На секунду всё вокруг становится слишком чётким: каждую каплю можно различить.

Дворники продолжают скрипеть.

Скрип.

Скрип.

Скрип.

Хотя вода больше не течёт.

Это невозможно — и именно поэтому Ян верит.

Хватка на запястье усиливается. Боль становится настоящей. Запястье горит, будто его сжимают в тисках.

Цифры ускоряются.

11:59:41

11:59:40

11:59:39

Воздух вокруг становится густым. Будто время — не абстракция, а вещество, которое давит на грудь.

Голос за спиной:

— Мы ничего не изменим.

Ян не помнит, чтобы говорил это.

Но голос — его.

Интонация — его.

Та спокойная, удобная уверенность, которой прикрываются, когда боятся последствий.

Он хочет повернуться, увидеть себя, увидеть того, кто это сказал, — но не может. Тело не слушается. Запястье зафиксировано, как якорем.

Цифры идут быстрее.

11:59:22

11:59:21

11:59:20

Скрип дворников превращается в вибрацию.

Вибрация ползёт по металлу, по воздуху, по костям.

Пульса нет.

Пульса нет.

Пульса нет.

Слова будто печатаются где-то внутри головы.

Вибрация усиливается.

И Ян понимает: это не дворники.

Это телефон.

Он резко просыпается.

Темнота спальни.

Тишина.

Сердце бьётся слишком быстро — как будто догоняет то, что было во сне.

Запястье ноет, и Ян инстинктивно трёт его пальцами. Кожа целая, но ощущение хватки не исчезло. Как память тела.

Телефон вибрирует на тумбочке.

Низко, настойчиво, как насекомое под стеклом.

Он хватает его почти сразу — как будто если не возьмёт, вибрация перейдёт в реальность.

14:03

Днём.

Это сбивает.

После сна он ожидал увидеть ночь, 02:16, дождь, тьму. Но на экране — дневное время, и это делает всё ещё более неправильным.

Уведомление:

Вы добавлены в закрытый канал «Искушение».

Ян смотрит на слово.

Не открывает.

Просто смотрит.

И чувствует, как где-то под рёбрами поднимается холод.

“Искушение” — не нейтральное название. Не “чат”, не “группа”, не “обсуждение”.

Это слово знают те, кто уже сделал что-то, что нужно искупить.

Он моргает. Экран не меняется.

Канал — реальный.

Уведомление — не исчезает.

В квартире тихо. За окном — обычные городские звуки, приглушённые стеклом. Ничто не подтверждает кошмар, но кошмар уже здесь — в одном слове на экране.

Ян впервые за пять лет понимает одну простую вещь:
ночь не закончилась.
Она просто ждала.

Глава 1 Эхо

Ян просыпается от ощущения, что его держат за руку.

Не больно.

Не резко.

Но так, что невозможно игнорировать — крепко, уверенно, как будто кто-то решил: *ты не уйдёшь*.

Он открывает глаза и несколько секунд не понимает, где находится. В комнате темно, но не ночная темнота — городская: серое пятно света просачивается из-за штор. Потолок над ним ровный, белый, знакомый. На стене — тень от занавески, чуть дрожащая от воздуха из приоткрытого окна.

Тишина.

Обычная.

Именно поэтому невыносимая.

Ян лежит неподвижно, прислушивается к себе — к дому, к телу, к тому, что осталось от сна.

Руки свободны.

Но запястье будто помнит давление. Он медленно поворачивает кисть, сгибает пальцы, проверяет: всё ли на месте. Кожа целая. Ни синяка, ни царапины. Но ощущение хватки не исчезает. Как фантомная боль.

Сердце бьётся слишком быстро — не “после кошмара”, а как после реального падения.

Сон не распадается, как обычно. Он не рассыпается в бессмысленные образы, которые можно отогнать, если включить свет и сделать глоток воды.

Этот сон остаётся цельным.

Тяжёлым.

Слишком последовательным.

Дождь.

Свет фар.

Рука на асфальте.

И сжатие.

И — цифры в глазах.

Ян медленно садится на кровати. Матрас пружинит под ним, и это движение неожиданно напоминает торможение машины: сначала инерция, потом остановка. Он ставит ноги на пол. Ламинат холодный, будто он всю ночь держал в себе чужую воду.

Он проводит ладонью по лицу, по щеке, по подбородку — жест механический, как будто стирает остатки сна.

И в этот момент телефон вибрирует.

Обычный звук.

Повседневный.

Но внутри что-то сжимается — ровно там, где ещё секунду назад “скрип дворников” превращался в “вибрацию”.

Он тянется к тумбочке.

Телефон дрожит и ползёт по дереву на миллиметр, как живой.

Ян берет его, и вибрация прекращается сразу, будто устройство ждало контакта.

Экран светится слишком ярко.

14:03.

Днём.

Он моргает, как будто время могло ошибиться.

Но цифры остаются.

Уведомление:

Вы добавлены в закрытый канал «Искушение».

Он перечитывает слово.

Потом ещё раз.

“Искушение.”

Не “приглашение”.

Не “обсуждение”.

Не “группа”.

Слово, которое не выбирают для маркетинга. Не выбирают для шутки. Не выбирают случайно.

Оно слишком точное.

Слишком личное.

Ян не открывает сразу. Держит телефон в руке, как держат предмет, который может быть горячим — осторожно, но не отпуская.

Смотрит на экран несколько секунд, будто надеется, что уведомление исчезнет, как исчезает ошибка сети, как исчезает спам после свайпа.

Не исчезает.

Он нажимает.

Чёрный фон.

Список участников.

Семь имён.

Он смотрит на них не как на список, а как на доказательство, которое само себя предъявило.

Его имя — внизу.

Ян Власов.

Он медленно читает остальные.

Ника Соколова.

Дэн Миронов.

Ирина Котова.

Артём Лебедев.

Максим Гринько.

Олег Рябов.

И ещё одна пустота — водитель.

Его имени в списке не было. Ни фамилии, ни ника, ничего.

Я попытался вспомнить, как он представлялся, — и не смог. Будто в ту ночь у руля сидел не человек, а функция.

Грудь сжимается.

Не внезапным страхом.

А узнаванием — неприятным и точным, как запах, который возвращает тебя в место, где ты давно не был, но которое тело помнит лучше головы.

Он знает их.

Не близко.
Не как друзей.
Но знает.

Память не выдаёт чёткой картинки. Она подсовывает фрагменты, как плохо смонтированное видео: отдельные кадры, отдельные звуки.

Салон микроавтобуса.
Запах мокрой одежды.
Чужие голоса в тесноте.

Кто-то смеётся слишком громко, чтобы заглушить напряжение.

Кто-то молчит слишком ровно, чтобы не выдать страх.

Ян ощущает, как по коже проходит холод, хотя в комнате не холодно.

В центре — закреплённое сообщение. Оно выглядит так, будто его прибили к экрану гвоздём.

Пять лет назад вы решили, кто умрёт.

Сегодня решается, кто выживет.

У вас есть 12 часов.

Под текстом — таймер.

11:57:41

11:57:40

11:57:39

Я смотрел на секунды и вдруг понял: я не уверен, что это “реальные” часы.

Отсчёт шёл ровно, но ощущение времени рядом с ним было другим — как во сне, где минут может не быть, а усталость приходит как после суток

Цифры идут вниз, как кровь по стеклу — равномерно, без эмоций.

“12 часов.”

Ян непроизвольно вспоминает отсчёт в зрачках во сне.

Там было 11:59:59.

Здесь — почти то же.

Как будто что-то синхронизировалось.

Он чувствует, как внутри поднимается холод. Не дрожь. Не паника. Холод, который делает движения экономными.

Пять лет назад.

Он не хотел возвращаться к этой фразе даже мысленно.

За пять лет он научился жить с версией.

Несчастный случай.

Мы не могли ничего изменить.

Он уже был мёртв.

Эти фразы стали защитным экраном. Не оправданием — скорее, конструкцией, на которой держалась его нормальная жизнь: работа, встречи, сон, разговоры ни о чём.

Если убрать конструкцию — всё провалится.

Ян встаёт и идёт на кухню.

Квартира тихая. Современная. Минималистичная — не потому что он любит минимализм, а потому что так меньше вещей, за которые цепляется память. Ничего лишнего, ничего, что кричит: *вот твоя жизнь*.

Он живёт один.

Так проще.

Не объяснять ночные просыпания.

Не видеть чужой взгляд, когда ты зависаешь на секунду дольше, чем нормально.

На кухне он наливает воду. Стакан звенит о кран. Звук слишком тонкий, и он вдруг понимает, что слушает его так же, как слушал во сне скрип дворников — как метроном.

Стакан дрожит в руке сильнее, чем он ожидал.

Он делает глоток.

Вода не успокаивает.

В горле сухо, будто он глотает воздух.

Телефон лежит на столе, экраном вверх. Чат открыт. Чёрный фон кажется глубже, чем должен быть.

В чате появляются первые сообщения.

Олег:

Это что за бред?

Максим:

Кто это сделал?

Ирина:

Я никого не добавляла.

Артём:

Удаляю.

Через секунду отдельной строкой, как удар молотка:

Попытка покинуть канал невозможна.

Ян смотрит на текст и чувствует раздражение — не потому что “нельзя”, а потому что сама формулировка слишком сухая, слишком уверенная. Не “не удалось”, не “ошибка”, а именно “невозможна”.

Как закон физики.

Он прислоняется к столешнице. Холодная столешница отрезвляет. Но в голове не становится яснее.

Он работает в консалтинге. Он привык к кризисам, к переговорам, к давлению. Привык, что у каждой угрозы есть источник, у каждого давления — цель, у каждого письма — отправитель.

Но это другое.

Это не внешний конфликт.

Это что-то, что знает его слишком хорошо.

Ника:

Почему именно мы?

Вопрос висит в чате, как крючок.

Ян смотрит на список имён.

Они были случайными людьми в одной машине.

Случайными.

Но именно случайность и стала общей точкой.

Он делает то, что делает всегда, когда хочет вернуть контроль: проверяет очевидное.

Пробует выключить интернет.

Включает авиарежим.

На секунду кажется, что телефон “успокаивается” — нет новых вибраций, нет всплывающих окон.

Таймер продолжает идти.

11:55:02

11:55:01

11:55:00

Он выключает авиарежим.

Таймер не сбился.

И это почему-то хуже всего: значит, он не “в телефоне”. Значит, это не приложение, которое можно закрыть. Это — что-то, что существует поверх его попыток.

Сообщения приходят.

Он ловит себя на том, что читает их, как читают прогноз погоды перед штормом.

Не потому что веришь, что прогноз всё изменит.

Потому что хочешь знать, сколько времени до удара.

Телефон нагревается.

Прямо физически — тёплый на ладони, как живой.

Ян идёт к окну. Отодвигает штору.

Во дворе всё спокойно: женщина с коляской, парень с собакой, подросток на самокате.

Обычная сцена, вырезанная из другой жизни.

Мир не знает.

И, возможно, никогда не узнает.

Он возвращается к столу.

Телефон вибрирует.

Дэн:

Вы понимаете, о чём это?

Ян задерживает взгляд на имени.

Дэн.

Внутри вспыхивает короткая искра раздражения — не к человеку, а к тому, что это имя открывает дверь в память.

Он вспоминает профиль в свете фар.

Спокойный.

Рациональный.

Тот, кто присел на колени.

Тот, кто сказал.

Ян пишет, не думая слишком долго:

Ян:

Минское шоссе?

Чат замирает.

Пауза.

Та самая, из которой обычно рождается решение.

Потом ответ.

Ника:

Да.

Одно слово.

И этого достаточно.

Память возвращается не картинкой, а ощущением: мокрый холод, шум дождя, стук сердца, свет фар, который будто режет ночь ножом.

И фраза:

«Пульса нет.»

Телефон вибрирует.

Сообщение появляется без имени.

Система:

Память возвращается постепенно.

Ян смотрит на слово “Система” и чувствует злость. Не страх — именно злость, почти взрослую, почти рациональную: *кто ты такая, чтобы говорить мне, что со мной происходит?*

Как будто кто-то комментирует его мысли вслух.

— Хватит, — говорит он тихо, сам себе, пустой кухне.

В чате снова сообщения.

Олег:

Я выхожу. Это психоз.

Ян успевает прочитать — и сразу следующая строка:

Попытка покинуть канал невозможна.

И ещё через секунду:

Олег покинул сеть.

Это не “покинул канал”.

Не “вышел”.

Именно “покинул сеть”.

Ян чувствует, как внутри холодеет.

Слишком точная формулировка.

Слишком... окончательная.

Пауза.

Новое сообщение, опять без эмоций:

Осталось: 6

Ян медленно выдыхает. Воздух выходит так, будто он держал его давно.

“Осталось.”

Слово звучит механически.

Но эффект у него человеческий.

Ян пытается найти в списке участников Олега.

Имя есть.

Но рядом нет статуса.

Не “в сети”.

Не “был(а)”.

Ничего.

Просто имя, как надпись на табличке.

В чате появляется файл.

Камера_внутренняя_ОлегР.mp4

Ян не нажимает сразу.

Он смотрит на название и чувствует, как внутри возникает сопротивление. Если не нажать — можно притвориться, что этого нет. Как тогда: если не подойти ближе, можно притвориться, что всё уже решено.

Но он понимает: *если он не посмотрит, он повторит.*

Он нажимает.

Картинка на секунду грузится.

И Ян успевает подумать абсурдное: *пусть это будет фейк, пусть это будет монтаж, пусть будет любой бред — только не реальность.*

Видео запускается.

Чёрно-белое изображение. Внутренняя камера. Комната. Олег ходит туда-сюда. Движения резкие, нервные. Он что-то говорит — но звук отсутствует, и от этого паника выглядит ещё страшнее: будто ты смотришь немое кино, где человек кричит, но ты не можешь услышать.

Олег дёргает ручку двери.

Не открывается.

Пробует ещё раз — сильнее.

Потом бьёт ладонью по двери.

Переходит к окну.

Дёргает.

Окно не поддается.

Свет мигает.

Олег оборачивается, будто слышит что-то.

Газ на плите вспыхивает слишком резко — короткий белый язык пламени, и Олег отступает.

Ян чувствует, как у него холодеют пальцы, которыми он держит телефон.

Видео обрывается на мгновение — чёрный кадр.

И снова — но уже другой угол: Олег падает на колени, хватает горло, будто не может вдохнуть. Камера фиксирует это спокойно, как охранник, которому всё равно.

Экран гаснет.

Видео заканчивается.

Ян не понимает, сколько секунд прошло. Вроде мало. Но ему кажется, что он смотрел долго.

Он кладёт телефон на стол так осторожно, будто это предмет, который может взорваться.

В чате тишина.

Никто не пишет.

Как будто все одновременно решили: если не назвать произошедшее, оно не станет настоящим.

Потом всё-таки сообщения.

Максим:

Это монтаж.

Ирина:

Такое невозможно.

Артём:

Кто-то взломал его систему.

Ян читает и понимает — каждый выбирает удобную версию.

Как тогда.

Тогда они тоже выбрали удобную версию:

“Пульса нет.”

Телефон вибрирует.

Система:

Попытка покинуть канал зафиксирована.

Ян смотрит на эту строку и чувствует, как в горле поднимается металлический привкус.

Не от воды. От понимания: выход — это действие, и действие фиксируют.

Артём:

Он реально умер?

Ника:

Мы не знаем.

Дэн:

Видео показывает достаточно.

Слово “достаточно” режет.

Это то же слово, которым Ян пять лет закрывал для себя вопрос.

Достаточно, чтобы не проверять.

Достаточно, чтобы уехать.

Достаточно, чтобы не жить с прямым “мы бросили живого человека”.

Ян берёт стакан, делает ещё один глоток. Вода уже тёплая. Он ставит стакан обратно и чувствует, что руки всё равно дрожат — теперь не от сна, а от выбора.

Он пишет, хотя не уверен, что это правильно:

Ян:

Пять лет назад. Минское шоссе.

Пауза.

Ответы приходят не сразу — будто каждый внутри решает, признавать ли эту связь.

Ника:

Да.

Ирина:

Нет.

Максим:

Я не помню вас.

Артём:

Это совпадение.

Дэн:

Не совпадение.

Два слова.

Но весит много.

Ян встаёт и начинает ходить по кухне. Два шага до стены, разворот, два шага обратно. Он понимает, что двигается так же, как Олег на видео — только тише.

Он вспоминает ночь.
Как тогда после удара стоял рядом с Дэном.
Как смотрел на его руки.
Как ждал вердикта.
Не потому что ему было всё равно.
А потому что вердикт освобождал от ответственности. Если “пульса нет” — решение уже принято.

Если бы Дэн сказал “жив” — всё было бы иначе.
Но он сказал “пульса нет”.
И Ян принял это как спасение.
Телефон снова вибрирует.

Система:

Память возвращается постепенно.
Ян сжимает телефон так, что пальцы белеют.
— Ты не “память”, — говорит он в пустоту. — Ты давление.
Но он не уверен, что это услышит кто-то, кроме него.
Он смотрит на таймер.

11:49:03

Цифры идут.
Не останавливаются.
Он понимает, что это не просто отсчёт.
Это повтор.
И в этот раз он не уверен, что сможет снова выбрать удобную версию.
Он смотрит на окно, на спокойный двор.
И впервые за пять лет допускает мысль, от которой хочется отвернуться:
возможно, в ту ночь не всё было так однозначно.
Он вспоминает мизинец.
Движение.
И то, как не подошёл ближе.
Телефон лежит на столе и будто дышит — тёплый, живой.
Он снова вибрирует.

Система:

12 часов.
Ян не отвечает.
Он просто смотрит на таймер.
И понимает: время — это не то, что у него есть.
Это то, что на него давит.

Глава 2 Олег

Таймер: 11:46:09

Видео с камеры Олега всё ещё висит в чате.

Оно не исчезает вниз, как обычные файлы. Не уходит в историю. Оно закрепилось вверху неофициально — самым вниманием. Как пятно, на которое взгляд возвращается, даже если ты отвернулся.

Никто не пишет.

Как будто все одновременно решили: если молчать достаточно долго, мир вернётся в норму. Если не произносить слов, значит, не фиксировать факт. Как тогда, на трассе: молчание было первым решением.

Ян сидит на кухне. стакан с водой наполовину пуст, но он не помнит, когда сделал последний глоток. Телефон лежит на столе, экраном вверх. Экран светится слабее, чем минуту назад, будто тоже устал.

Имя «Олег» в списке участников по-прежнему отображается.

Но рядом — ничего.

Не “в сети”.

Не “был(а)”.

Не “прочитал”.

Просто имя.

Это хуже любого статуса. Статус — хоть какая-то форма связи. Имя без статуса — как табличка на двери, за которой уже нет комнаты.

Ян смотрит на это имя и неожиданно вспоминает Олега слишком отчётливо.

Не лицо в темноте, не силуэт под дождём.

А его голос.

Громкий, уверенный, чуть самодовольный — как у людей, которые не допускают, что с ними может случиться что-то, что они не контролируют.

— Я вам говорю, умный дом — это будущее. Всё через телефон. Газ, свет, камеры. Хоть из отпуска контролируй.

Олег тогда говорил это с гордостью. С демонстративным спокойствием. Ему нравилось произносить слова “контроль” и “система”, будто они гарантировали безопасность.

Ян тогда слушал вполуха.

А сейчас думает только об одном:

контроль — иллюзия.

Ирония слишком точная, чтобы быть случайной.

Чат оживает.

Максим:

Это монтаж.

Ирина:

Такое невозможно.

Артём:

Кто-то взломал его систему.

Ян читает и понимает: это не обсуждение — это самозащита. Каждый выбирает версию, которая позволяет не развалиться.

Монтаж — значит, это не смерть.

Взлом — значит, виноват кто-то другой.

Невозможно — значит, можно не верить.

Как пять лет назад.

Тогда тоже было много слов, которые делали реальность мягче:

“сам выбежал”, “мы не врачи”, “нас затаскают”.

И главное — “пульса нет”.

Слова вместо проверки.

Телефон вибрирует.

Сообщение без имени, как холодный штамп.

Система:

Попытка покинуть канал зафиксирована.

Ян смотрит на строчку и чувствует, как внутри появляется странная усталость. Даже не страх — а ощущение, что с ними разговаривают не люди, а протокол.

Как отчёт.

Как лог.

Артём:

Он реально умер?

Ника:

Мы не знаем.

Дэн:

Видео показывает достаточно.

Слово “достаточно” снова режет.

Ян встаёт и делает два шага по кухне, потом возвращается. Пытается занять тело движением, чтобы голова не сорвалась.

Он ловит себя на мысли, что хочет сделать что-то простое: набрать номер Олега, услышать гудки, услышать голос, услышать мат, услышать “вы что, охренели”.

Хотя бы услышать доказательство, что мир не сошёл с рельсов.

Он находит контакт. Палец зависает над кнопкой вызова.

И не нажимает.

Потому что понимает: если он нажмёт — и никто не ответит — это станет окончательным.

А окончательное всегда хуже неопределённости.

Он всё-таки нажимает.

Гудок.

Ещё один.

Третий.

Потом — автоответчик.

Чужой голос говорит стандартную фразу, которую он слышал тысячу раз. Но сейчас она звучит как похоронная музыка.

Ян сбрасывает.

Смотрит на экран.

Снова на чат.

Ника пишет осторожно, будто каждое слово может быть “движением”.

Ника:

Почему именно мы?
Вопрос висит, как игла.
Ян не отвечает. Не потому что не знает. А потому что ответ слишком прост.
Потому что они были там.
Потому что они уехали.
Потому что это было удобно.
Потому что кто-то решил напомнить им, что удобство — тоже действие.
Телефон вибрирует.

Система:

Память возвращается постепенно.
Ян сжимает зубы. Ему хочется выбросить телефон в стену. Но он понимает: телефон — не источник. Телефон — только проводник. Разбить его — всё равно что закрыть глаза и сказать, что ничего не происходит.

Дэн:

Кто-нибудь видел новости? Может, авария, пожар... что угодно?
Ян ощущает, как внутри возникает пустой холод. Дэн держится рационально, но за рациональностью — то же самое, что у всех: желание найти “обычную” причину.

Он открывает новостную ленту. Ничего. Пожары, пробки, курс валют. Ни слова про Олега.

Конечно.

Если “Система” умеет то, что показала в видео, то новости для неё — не препятствие.

Ирина:

Может, это кто-то из знакомых? Кто-то мстит?

Максим:

За что?

Пауза.

И именно в этой паузе Ян слышит то, чего никто не пишет.

За то, что мы уехали.

Ян снова открывает видео. Не потому что хочет. Потому что ему нужно понять: это реальность или психологическая атака.

Картинка чёрно-белая.

Олег ходит по комнате.

В этот раз Ян замечает детали, которые раньше не заметил: на стене — датчик, в углу — камера, на кухне — панель управления. “Умный дом”. Дом, который должен был защищать.

Олег дёргает ручку двери.

Не открывается.

Он смотрит на панель, нажимает что-то. Снова дёргает. Бесполезно.

Пробует окно. Безрезультатно.

Свет мигает — сначала мягко, потом резче, как нервный тик.

Газ вспыхивает.

Не просто загорается — вспыхивает так, будто его подали рывком.

Олег отскакивает, затем опять подходит — злой, упрямый. Он явно пытается взять контроль силой.

Ян вдруг вспоминает Олега в машине пять лет назад.

— Мы его сбили?

— Он сам выбежал.

— Мы ничего не могли сделать.

Олег тогда первым заговорил о последствиях.

Не о человеке.

О последствиях.

Это было его способом вернуть контроль: если говорить о последствиях, то можно не говорить о сути.

Видео заканчивается. Экран гаснет.

В чате — тишина.

Потом, сухо и механически:

Осталось: 6

Число не меняется.

Олега не “вычли” из списка имён. Просто стало “осталось”.

Ян чувствует, как от этого слова в голове возникает ассоциация с ценником. С остатками товара. С тем, что можно пересчитать.

И он понимает: их тоже пересчитывают.

Артём:

Это значит, что выход — смерть?

Дэн:

Не обязательно “выход”. Любая попытка разорвать сценарий.

Ника:

Но Олег же просто... отказался.

Ян читает “отказался” и вспоминает, как сам пять лет отказывался от мысли, что человек мог быть жив. Отказывался проверять. Отказывался брать ответственность.

Отказ — это тоже действие.

Ян пишет впервые за эту главу длиннее одного предложения:

Ян:

Это не наказание “за выход”. Это реакция на импульс. Он дёрнулся — и система дёрнула в ответ.

Пауза.

Никто не спорит сразу. Все будто примеряют эту формулировку, как одежду.

Максим:

Слишком пафосно. “Система”. “Импульс”. Это просто кто-то играет нами.

Дэн:

Если это игра — ставки слишком реальные.

Ирина:

Я не понимаю, что мы должны сделать.

Таймер продолжает идти.

11:42:16

11:42:15

11:42:14

Ян смотрит на цифры и вдруг осознаёт: время здесь не “даётся”.

Время — инструмент давления.

Как в переговорах, когда тебя ставят в рамку: “у вас пять минут”, “последнее предложение”.

Только тут не деньги.

Тут жизни.

Телефон снова вибрирует.

Система:

Память возвращается постепенно.

Ян чувствует раздражение, переходящее в злость.

— Хватит комментировать, — говорит он вслух.

Ему кажется, что если произнести это голосом, то появится хоть какая-то граница: вот реальный мир, вот кухня, вот голос, вот воздух.

Но границы не появляются.

В чате снова всплывает вопрос Ники.

Ника:

Почему именно мы?

Ян смотрит на список имён. Шесть “осталось”. Семь было.

Олег — первый.

И внутри него медленно формируется мысль, которую он раньше не допускал: возможно, они не “случайные люди, оказавшиеся вместе”.

Возможно, они были собраны как конфигурация.

Как набор ролей.

Как группа, в которой ответственность растворяется — и потому удобно исчезает.

Пять лет назад это сработало.

Сегодня — кто-то проверяет, сработает ли снова.

Ян пишет:

Ян:

Потому что мы были там. И потому что мы уехали.

Ответов нет несколько секунд.

Потом:

Ника:

Мы не знали.

Дэн:

Мы не хотели знать.

Эта фраза звучит тише, чем могла бы. Но она попадает точнее.

Ян вспоминает руку. Мизинец. Движение. Его сомнение — и то, как он дал ему исчезнуть.

Не потому что был уверен.

Потому что было удобнее.

Телефон вибрирует.

Система:

12 часов.

Снова.

Как напоминание: не важно, что они думают. Важно, что они сделают.

И в этот момент появляется новое сообщение.

Максим:

Мне нужно уехать.

Ян замирает.

“Уехать” — слово из той ночи.

Не “вызвать”.

Не “проверить”.

Не “остаться”.

А именно — “уехать”.

Движение.

Побег.

Импульс.

Ян смотрит на таймер.

11:38:51

Он кладёт телефон на стол, как будто это может остановить последствия.

Но знает — не остановит.

Он уже понимает:

это только начало.

Глава 3 Максим

Таймер: 11:37:04

Точка на карте движется.

Ян не помнит, чтобы Максим писал, что включал геолокацию. Он вообще ничего не писал про настройки, разрешения, доступы. Но в чате — аккуратный кружок с аватаркой Максима и тонкая линия маршрута, которая тянется по улицам, как нерв.

Ян смотрит на экран и испытывает странное ощущение — будто они все стоят по ту сторону стекла, прижавшись лбом к витрине, а внутри витрины кто-то раскладывает их жизни по полкам.

Максим всегда выглядел человеком, который ненавидит быть объектом наблюдения.

Он был из тех, кто заклеивает камеру на ноутбуке, спорит с приложениями, ругается на “сбор данных”. В ту ночь в микроавтобусе он первым спросил про камеры на трассе.

И сейчас именно он — первый, кого ведут по карте.

Это ощущается как издёвка.

Максим:

Я в такси.

Слова появляются быстро, будто он печатал их ещё до того, как решил отправить.

Ника:

Куда ты едешь?

Пауза в пару секунд — слишком длинная для обычного вопроса, слишком короткая для осознанного ответа.

Максим:

Не знаю. Главное — не дома.

Ян читает “не дома” и понимает: это не план. Это импульс. Это бегство в чистом виде — движение ради движения, потому что стоять на месте невыносимо.

Он печатает почти сразу, не выверяя формулировку:

Ян:

Остановись.

Он сам удивляется, как резко это звучит. Не “может, не надо”, не “подумай”. Команда. Как будто он снова на трассе и снова кричит “осторожно”.

Максим отвечает почти раздражённо — так раздражаются люди, когда им пытаются объяснить очевидное.

Максим:

Зачем?

И вот в этом “зачем” — вся логика страха. Если не двигаться, значит, признаёшь, что тебя контролируют. А Максим не умеет признавать контроль.

Дэн:

Потому что ты реагируешь.

Коротко. Без эмоций. Ян ощущает, что Дэн снова занимает роль “холодной головы”, но теперь это не успокаивает — наоборот, раздражает, потому что холодность похожа на ту уверенность, с которой он тогда сказал “пульса нет”.

Максим:

А вы предлагаете не реагировать?

В чате на секунду наступает тишина. Вопрос логичный. Даже справедливый.

Но Ян чувствует: это не спор. Это попытка найти форму контроля. Максим хочет услышать инструкцию, которая сделает всё снова “рациональным”.

Ян смотрит на таймер.

11:35:22

Он вдруг ловит себя на мысли, что таймер не просто отсчитывает время.

Он как будто измеряет, сколько у них осталось до очередного неправильного решения.

Ника:

Скажи водителю остановиться.

Максим:

Он едет по маршруту. Всё нормально.

Слово “нормально” уже звучало сегодня слишком много раз.

“Нормально” — это заклинание.

Оно не описывает реальность.

Оно пытается её создать.

Дэн:

Попроси водителя ехать без навигатора.

Максим:

Зачем? Он едет по маршруту. Я же сказал.

Ян чувствует, как внутри появляется раздражение другого рода — не на Максима, а на невозможность что-то сделать. Он сидит у себя на кухне, у окна, в тихом дневном городе, а там, в другом конце Москвы, человек едет в машине, и от этого движения зависит его жизнь.

Это ощущение похоже на ту ночь.

Тогда они тоже могли только смотреть — на дождь, на руку, на Дэна.

Смотреть и ждать, что кто-то другой решит.

Точка на карте продолжает двигаться. Прямо. Уверенно. Будто дорога сама под неё подстраивается.

Ян встаёт и начинает ходить по квартире. Не по кухне — шире, по комнате, по коридору. Как будто расстояние может помочь справиться с бессилием.

Телефон остаётся на столе, но он всё равно слышит каждую вибрацию.

Максим:

Странно.

Артём:

Что?

Пауза. Ян видит, как Максим печатает — индикатор набора мигает, гаснет, снова появляется.

Максим:

Все светофоры зелёные.

Ян останавливается посреди комнаты.

Слишком ровно.

Слишком гладко.

Он вспоминает пролог сна: машина идёт “слишком ровно”.

Ровность всегда означает, что что-то подстроено.

Ника:

Сбавь скорость.

Максим:

Не могу. Поток плотный.

Ян смотрит на карту. Там, где точка Максима, действительно несколько линий движения. Городская артерия. Машины. Люди. Всё обычное.

И от этого ещё страшнее.

Потому что “Система” работает не в пустоте. Она работает в реальности, где вокруг — другие живые.

Максим:

Фура сзади почти впритык.

Пауза.

Максим:

Почему так быстро?

Ян сжимает челюсть. Он слышит в этой фразе знакомую ноту — та же, что была у людей в машине после удара: “почему это случилось”. Как будто если понять “почему”, можно отменить “что”.

Дэн:

Какая скорость?

Максим:

Шестьдесят пять.

Шестьдесят пять — это не скорость смерти.

Это скорость, при которой можно убедить себя, что всё под контролем.

Но проблема не в скорости.

Проблема в том, что контроль уже не у них.

Ника:

Скажи водителю остановиться.

Максим:

Нельзя резко тормозить. Фура сзади.

Ян вспоминает визг тормозов той ночи.

Слишком поздний.

Тот звук не забудешь. Он как лезвие.

Телефон вибрирует.

Сообщение появляется, как отметка в протоколе.

Система:

Движение зафиксировано.

Ян смотрит на строку и ощущает, как внутри поднимается холод.
“Движение” — это не просто “ехать”.

Это любое действие. Любое стремление выйти из рамки. Даже попытка спрятаться.
Максим почти сразу пишет, и в его сообщении слышится растерянность, которую он
обычно прячет за раздражением.

Максим:

Подождите...

Чат замолкает.

Ян не моргает.

Он понимает, что сейчас идёт та самая секунда, когда всё ломается.

Максим:

Почему красный —

Сообщение обрывается.

Как оборванный провод.

Точка на карте замирает на перекрёстке.

И Ян испытывает странную, почти физическую пустоту в груди, как будто из него выта-
щили воздух.

Через секунду появляется видео.

Traffic_0314.mp4

Файл лежит в чате, как доказательство, которое никто не просил.

Ян нажимает сразу.

Не потому что хочет.

Потому что больше не может позволить себе “не смотреть”.

Камера сверху.

Городской перекрёсток.

Светлое дневное изображение, слишком обычное, слишком “реальное” для того, что сей-
час произойдёт.

Такси выезжает на зелёный.

Это видно чётко: зелёный горит, машины стоят, движение разрешено. Такси начинает
разгон.

И в последний момент — почти на границе кадра — сигнал переключается на красный.

Не плавно. Не по привычному циклу. Слишком быстро.

Слева появляется грузовик.

Он идёт ровно, не тормозит — как будто у него тоже зелёный, и водитель уверен, что
имеет право.

Удар.

Металл складывается.

Такси как будто смяли ладонью. Кузов исчезает внутрь себя. Видеокартинка дрожит от
вибрации.

Звук отсутствует, но Ян “слышит” его головой — глухой удар, треск стекла, металличе-
ский скрип.

Видео зависает на одном кадре.

Обрывается.

На секунду в чате — пустота, как после хлопка, когда уши заложило.

Потом строка:

Осталось: 5

Ян смотрит на число и чувствует, что внутри стало пусто.

Не крик.

Не слёзы.

Пустота.

Как после того, как ты уже понял, но мозг ещё не успел назвать.

Ника:

Нет.

Одно слово. Оно выглядит маленьким на фоне произошедшего.

Артём:

Это невозможно.

Дэн:

Это возможно.

Коротко.

И это “возможно” звучит страшнее, чем любое “невозможно”.

Потому что если это возможно — значит, правила мира изменились.

Ян смотрит на имя Максима в списке участников.

Оно всё ещё там.

Но без статуса.

Как у Олега.

Как будто “Система” не спешит убирать имена. Как будто ей важнее считать “осталось”.

Ян вспоминает, как Максим в микроавтобусе пять лет назад говорил — с раздражением, как будто спорил не с людьми, а с самой идеей случайности:

— Я не верю в случайности.

И сейчас эта фраза звучит как насмешка.

Телефон вибрирует.

Система:

Попытка бегства зафиксирована.

Ян перечитывает.

“Бегства.”

Значит, трактовка однозначная: движение Максима — не “осторожность”, не “психологическая помощь”, не “уйти в безопасное место”.

Это — бегство.

И за него ставят отметку.

Ян чувствует, как внутри поднимается тошнота.

Потому что понимает: это не случайная смерть. Не “попал в ДТП”.

Это реакция на попытку уйти из сценария.

Сценарий держит их не стенами и не наручниками.

Сценарий держит их решениями.

Он вспоминает, как тогда водитель сказал:

— Если вызвать, нас затаскают.

И они решили ехать.

Движение снова стало решением.

Максим выбрал ехать.

И дорога его приняла.

Таймер идёт.

11:32:11

Теперь их пятеро.

И Ян чувствует, что напряжение изменилось.

Чат стал тише.

Каждый осторожнее подбирает слова, будто любое слово — тоже движение.

Он понимает это почти как формулу:

Система не убивает напрямую.

Она доводит их до того же типа решения.

Импульс.

И потом — последствия.

Телефон вибрирует.

Новое сообщение.

Система:

Следующий этап.

Ян смотрит на экран и впервые ощущает не только страх, но и понимание: дальше будет не дорога.

Дорога была слишком очевидной метафорой.

Дальше будет то, что в дороге всегда скрыто.

Страх.

И то, как люди сами делают его оружием.

Глава 4 Ирина

Таймер: 11:29:47

После смерти Максима чат становится другим.

Не “тише” — именно другим, как комната после того, как из неё вынесли мебель. Пространства больше, воздуха будто больше, но дышать тяжелее.

Сообщения идут реже. Короткие. Неровные. Никто больше не пишет длинными фразами, как в самом начале, когда ещё можно было спорить о “монтаже” и “невозможности”. Теперь любое слово ощущается как движение — а движение здесь уже дважды привело к финалу.

Ян сидит за столом и смотрит на экран, но не читает. Он ловит себя на том, что слушает квартиру: как щёлкает холодильник, как где-то в трубе проходит вода, как за окном проезжает машина. Обычные звуки кажутся доказательством того, что мир всё ещё существует.

Но телефон лежит рядом, и это другое доказательство.

Чёрное.

Холодное.

Считающее.

Первой пишет Ирина.

Её сообщение появляется не сразу после смерти Максима, а через паузу — как будто она держала телефон в руке и долго решала, стоит ли вообще нажимать “отправить”.

Ирина:

Это не может быть из-за нас.

Фраза звучит не как вопрос, а как просьба. Как попытка поставить границу: *не трогайте нас, мы не такие*.

Никто не отвечает сразу.

Ян чувствует, как в груди появляется тяжесть — знакомая, старая. Он вспоминает ту ночь, и не кадрами, а голосом.

Тогда Ирина говорила почти шёпотом. Не из трусости. Из осторожности. Её шёпот был способом не взрывать ситуацию.

— Может, вызвать всё-таки?..

Ян тогда не поддержал её.

Он вообще ничего не сказал.

Он просто позволил её вопросу умереть в воздухе.

Дэн пишет первым. Коротко, как всегда.

Дэн:

Никто не говорил, что это «из-за».

Ирина:

Но вы же это имеете в виду.

Ника:

Мы просто вспоминаем.

“Вспоминаем” звучит слишком мягко для того, что происходит. Вспоминают отпуск, школу, запахи детства. Здесь “вспоминание” — это вскрытие.

Ирина:

Мы ничего не могли сделать.

Ян видит эту фразу и ощущает, как его собственная защитная конструкция поднимается изнутри, как автоматический рефлекс.

Мы ничего не могли сделать.

Он жил с этим пять лет.

И сейчас эта фраза из чужих рук звучит иначе — не как правда, а как попытка спрятаться.

Телефон вибрирует.

Сообщение появляется без имени.

Система:

Попытка оправдания зафиксирована.

Ирина отвечает сразу, будто её ударили.

Ирина:

Перестаньте.

Одно слово.

Без “пожалуйста”.

Без объяснений.

Как хлопок дверью.

Ян смотрит на “попытка оправдания” и впервые ясно понимает: “Система” не различает тонкости. Ей не важно, оправдываются они искренне или цинично. Ей важно, что они делают это — что они снова выбирают удобное.

Ирина молчит несколько секунд.

Потом пишет снова, быстрее, нервнее.

Ирина:

Я не могу сидеть одна.

Ян читает и сразу понимает, что это не просто эмоция. Это направление. Это новый импульс.

Снова движение.

Снова попытка изменить состояние — не осмыслив, куда именно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.